

О ВЯТСКОМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.М. КАРИНСКОГО (ПО ПИСЬМАМ С.Ф. ПЛАТОНОВУ)

© 2019 г. В.В. Митрофанов

*Д-р ист. наук, профессор АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее
ЕврАзЭС» (Санкт-Петербург)*

viktor-n1962@mail.ru

Привлекая письма Н.М. Каринского, адресованные С.Ф. Платонову, предпринята попытка конкретизировать деятельность ученого в малоизвестный «вятский период» (1918–1923 гг.). В это время ученый вел работу по разным направлениям: организовал краеведческий институт, преподавал в ряде учебных заведений, занимался библиотечным делом, участвовал в этнографических экспедициях, но пребывание в провинциальном городе не приносило должного удовлетворения. Раскрываются причины переезда семьи ученого не в Петроград, куда он стремился всеми силами, а в Москву.

Using the letters of N.M. Karinsky addressed to S.F. Platonov, the author attempts to specify the activity of the scholar during the less known «Vyatka period» (1918–1923). During this time, the scholar worked in different directions: he organized a local historical institute, taught in a number of educational institutions, was engaged in librarianship, participated in ethnographic expeditions, but his stay in a provincial town did not bring him proper satisfaction. The study reveals the reasons for the relocation of his family not to Petrograd, where he would have loved to, but to Moscow.

Ключевые слова: Н.М. Каринский, С.Ф. Платонов, вятский период, откомандировка, краеведение.

Keywords: N.M. Karinsky, S.F. Platonov, Vyatka period, business trip, local history.

DOI: 10.31857/S0869544X0006216-0

Среди крупных российских и советских филологов-славистов имя Н.М. Каринского (1873–1935) широко известно среди специалистов [1; 2. С. 204–207; 3. С. 246–248], оно занимает достойное место в энциклопедических изданиях [4. С. 428; 5. С. 548; 6. С. 74]. Были публикации и в провинциальной периодической печати [7; 8; 9. С. 4]. Вышла замечательная монография, раскрывающая судьбы крупнейших славистов России в первые годы после революционного 1917 г. В книге, с привлечением большого массива эпистолярных источников (в том числе и переписки Н.М. Каринского с А.И. Соболевским), приводятся важные факты и по заявленной тематике [10. С. 20–21, 41, 68–71, 89 и др.].

На конференции, посвященной А.И. Соболевскому, О.В. Селиванова выступила с докладом «Н.М. Каринский – ученик А.И. Соболевского: научная

преемственность и личные взаимоотношения (по материалам фонда редких книг Фундаментальной библиотеки РГПУ им. А.И. Герцена)», где на основе анализа библиотечного собрания Н.М. Каринского и работ А.И. Соболевского, имевшихся в нем, в том числе с дарственными надписями автора, затронула вопросы их взаимоотношений [11. С. 61].

Появились и публикации, создающие негативный образ Н.М. Каринского. В.М. Алпатов относит Н.М. Каринского к «филологам старой школы», «старым лингвистам», ссылаясь на неопубликованные воспоминания П.С. Кузнецова, раскрывает отрицательную роль ученого в ликвидации Московской диалектологической комиссии [12]. Исследователи пишут о непростых взаимоотношениях Н.М. Каринского с крупным ученым А.М. Селищевым [13. С. 11]. Немало принципиально новых штрихов о положении Н.М. Каринского в научном сообществе Москвы находим в упомянутой книге авторитетного слависта М.А. Робинсона. Там его воспринимали с настороженностью. Например, М.Н. Сперанский в письме В.М. Истрину называет его «пронырливым», «ловкачом», «несколько заносчивым» и советует держаться с ним «осторожно» [10. С. 161]. Эта позиция академического сообщества проявилась и в 1929 г., когда после смерти А.И. Соболевского стали предлагать его преемника в Академию. Среди «видных специалистов» назывался и Н.М. Каринский как возможный кандидат [10. С. 364].

Наиболее справедливая оценка творчеству Н.М. Каринского была дана еще полвека назад известным исследователем древнерусской литературы Н.Н. Розовым, который писал, что в его лице «следует отметить редкое и драгоценное сочетание качеств лингвиста и палеографа, что обусловило особенности метода и широту тематики его исследований» [14. С. 25].

После окончания гимназии Н.М. Каринский поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет, который окончил в 1896 г., был оставлен для приготовления к профессорскому званию и стал заниматься под руководством академиков А.А. Шахматова и А.И. Соболевского. Еще студентом он занялся изучением говоров в Костромской губернии [15].

До защиты магистерской диссертации, которая затянулась до 1909 г., он преподавал в ряде учебных заведений: Ксенинском, Екатерининском институтах, престижном Археологическом, в 1903 г. был приглашен в родной университет. Постепенно накапливался опыт научно-преподавательской и исследовательской работы, что позволило Н.М. Каринскому стать одним из лучших специалистов в области истории русского и древнеболгарского языков.

Среди выдающихся памятников славянской письменности его привлекали «Остромирово Евангелие» [16; 17], «Слово о полку Игореве» [18]. Молодому ученому первому удалось установить в одном из списков «Слова» псковские черты [19; 20]. Заметим, что до него эти памятники древнерусской письменности уже были предметом исследования, в том числе и выдающихся ученых [21–23]. Давая оценку роли Н.М. Каринского в изучении древнейшего славянского памятника, Н.Н. Розов писал, что его работы «по Остромирову Евангелию являются итогом дореволюционного периода изучения Остромирова Евангелия — итогом важным и значительным, наметившим пути дальнейшего изучения этого памятника более совершенными лингвистическими и палеографическими методами» [14. С. 25].

Личный архив ученого хранится в Архиве РАН (Ф. 468), РНБ (Ф. 1. № 356), имеются материалы в РГИА [24], есть его письма в личном фонде

С.Ф. Платонова [25]. Корреспонденция датируется 1904–1925 гг., она насчитывает 39 писем (в том числе и небольшие записки) и две телеграммы (одна не сохранилась, о чем узнаем из письма от 10 апреля 1919 г.), общий объем 53 листа, некоторые исписаны с обеих сторон. Письма позволяют проследить взаимоотношения между учеными, их семьями, указать на черты характера, отдельные эпизоды научной и преподавательской деятельности, уточнить круг общения, конкретизировать политическую и социальную ситуацию в стране и научной корпорации. Кроме того, мы узнаем малоизвестные факты об экскурсиях слушательниц Женского педагогического института (ЖПИ), работе Лазарета при нем в годы Первой мировой войны, подробности о здоровье детей Н.М. Каринского, наводнении в Ленинграде и др.

Наша цель – определить основные направления деятельности Н.М. Каринского во время его жизни в Вятке, показать трудности и бытовые проблемы, с которыми сталкивалась его семья в этот период.

Н.М. Каринский взаимодействовал с С.Ф. Платоновым в ряде учреждений: в Петербургском университете, ЖПИ и Археологическом институте, Археологической комиссии. В 1912 г. в Твери повторно (первые проводились в 1904 г.) были организованы археологические курсы [26. С. 62–77], где оба принимали активное участие в чтении лекций. По этому делу С.Ф. Платонов неоднократно писал в Тверь председателю Тверской ГУАК А.И. Иванову [27. С. 157, 161–162]. В 1911 г. С.Ф. Платонов приглашает Н.М. Каринского в ЖПИ, где он будет преподавать до 1917 г. В это время он руководил и несколькими экскурсиями его слушательниц. Представляет интерес письмо-отчет об одной из них в Ростовский край: «Глубокоуважаемый Сергей Федорович! Вернувшись из путешествия, считаю долгом сообщить Вам о тех сторонах его, к которым я имел ближайшее, как сопровождающий экскурсанток преподаватель, отношение.

В Москве мы осмотрели соборы (Успенский, Благовещенский и Архангельский; церкви 12 Апостолов, Спаса на Бору, Кремлевский Дворец с Грановитой палатой); поднимались на Ивана Великого; обозревали Патриаршую библиотеку (остановив особое внимание на некоторых греческих и славянских рукописях). Кроме того, более или менее подробно осматривали: Чудов монастырь, Покровский собор, Печатный двор (из рукописей более подробно осматривали важнейшие лицевые, а также немногие рукописи XI в.), домик Романовых, Третьяковскую галерею, Московский Публичный и Румянцевский музей (где особое внимание обратили на этнографические коллекции, касающиеся территории России), Исторический музей, где более подробно осматривались предметы материальной археологии, как исторической в пределах России, так и первобытной. Группами участники экскурсии познакомились с Москвой по своему усмотрению (для чего дано было несколько часов). Смотрели Кремль при лунном освещении, Сухареву башню. Между прочим, нескольким экскурсанткам я показывал торговлю старинными книгами Большакова.

В окрестностях Москвы мы посетили Троицкую Лавру, где на колоколах слышали и видели, как производится монашеский звон. В Лавре прошли по стене, осмотрели церкви, трапезную и пр. Из Лавры отправились к Вифанию¹.

¹ Спасо-Вифанский монастырь – бывший мужской православный монастырь в Сергиевом Посаде (в 1783–1797 гг. – скит Троице-Сергиевой лавры). В 2002 г. на части территории открыто подворье Троице-Сергиевой лавры. Место, названное позже Вифанией, а прежде носившее имя Корбуха.

Были на Воробьевых горах, где часть экскурсии видела место первоначальной закладки храма Христа Спасителя.

В Москве в экскурсии много помогали хранители отделов Музеев, библиотекари и другие лица, давали интересные объяснения.

В поездке по Суздальской Руси пришлось видеть очень много. Оставляя в стороне всё то, что нам интересно объяснялось В.Т. Георгиевским², я остановлюсь на нескольких фактах из них, где приходилось мне принимать ближайшее участие. Во всех книгохранилищах, где встречались рукописи (Ярославский Архиерейский дом, Музеи во Владимире и мн. др.), мы определяли место и время написания рукописей, делали замечания об орнаменте и пр. Также лично приходилось немало говорить о фресках и других археологических предметах с палеографической стороны. Особенно много интереса вызвали Корсунские и Васильевские врата.

Из Ризоложенского монастыря с семью словесницами и одною историчкою (всего было восемь мест в экипаже) мною была совершена поездка с диалектической целью. Записаны были особенности говора по составленной ранее программе и показано место наблюдения. Кроме того, участницы этой поездки интересовались жизнью деревни, осматривали внутренность избы, записывали народные песни, нашли даже шовный сарафан с золотой бахромой. После поездки, в продолжение 5-ти часов систематизировался собранный диалектологический материал.

Настроение в поездке было весьма хорошее и, кажется, никому не хотелось ее оканчивать. Древняя Русь с ее религиозным настроением была близка сердцу участвующих.

Истинно и глубоко Вас уважающий, Ваш покорный слуга Н. Каринский. 1910 – VI» [25. Л. 12–13об.]. Письмо в полной мере показывает с какой тщательностью выбирались объекты для экскурсии, названы виды работ, которые выполняли слушательницы, очевиден живой интерес самого руководителя к происходящим событиям и его желание привлечь своих подопечных к научно-поисковой работе.

Есть свидетельство о другой поездке. Слушательница ЖПИ В. Мейер в своих воспоминаниях так описывает одну из экскурсий по северным городам России. Н.М. Каринский «возводил названия предметов, которые нас окружали, всего, что мы ели или пили к древнерусскому, санскриту, к праязыку [...] Вспоминается его высокая фигура, когда на остановках, если он видел местных жителей, он карабкался даже на высокий берег, чтобы записать особенности северных диалектов» [28. С. 113].

В Вятку Н.М. Каринский приезжал на похороны отца³, который умер на даче в дер. Большая Субботиха, Вятского уезда, Вятской губернии. Об этом печальном событии и ситуации, сложившейся в родном городе он сообщает С.Ф. Платонову 5 июля 1917 г.: «как я Вам писал, я застал отца в очень плохом состоянии. На даче через некоторое время ему стало немного лучше, но затем опять пульс повысился до 100 при нормальной (очень низкой) температуре. 11 июня у отца сделался жар, а 20 июня он тихо скончался. Похороны

²Георгиевский Василий Тимофеевич (1861–1923) – исследователь древнерусского и традиционного церковного искусства, архивист, многолетний служащий по духовному ведомству.

³Недавно вышла интересная книга, где помещены исследования, посвященные ученому, хроника творческой жизни и библиография его трудов [29. С. 15–126].

происходили на кладбище Трифонова монастыря в Вятке, где покоится тело моего прадеда с материнской стороны. Нам очень тяжело, что при последних минутах не пришлось быть ни маме⁴, ни брату, и мы даже до сих пор не знаем, как принято мамой известие о кончине. Мама лечится в санатории на юге. Таковы наши тяжелые обстоятельства. На днях мы все стали поправляться, но семейное горе несколько расшатало здоровье. Сейчас я совершенно не могу сосредоточиться на занятиях.

В Вятке настроение не дурное; все заняты делом. Крестьяне ждут устройства республиканского строя и передела земли. Насилие здесь никем не одобряется. В городе порядочно весьма интеллигентных людей. Архивная комиссия⁵ и летом продолжает печатание своих трудов⁶. Вообще здесь ничто не останавливается, и с революцией в некотором отношении (общественном) деятельность даже значительно увеличилась: в деревнях устраиваются ясли для детей, появляются кооперативы. В деревне, где мы живем, у общественной лавки аншлаг: «просят посетителей скверно-матерных слов не выражать, в пьяном виде в магазин не заявляться, помня, что это не частная торговля, а народный кооператив».

Несколько особняком стоят солдаты. Их требования иногда слушают горожане. Недавно они настояли на обыске неких квартир, чтобы найти запасы продовольствия. Конечно, ничего найдено, как говорят, не было. Третьего дня солдаты водили одного из солдат, провинившегося в воровстве, по городу, надев на него вещи, которые он уворовал. Вор должен был при всем народе на площадях и улицах исповедовать свой грех» [25. Л. 35–36]. Письмо содержит большое количество информации, важной для понимания состояния семьи после похорон близкого человека, нарисована картина революционной Вятки, положение в деревне и среде военных. Особый интерес вызывает краткая информация о местной архивной комиссии.

1918–1923 гг. составляют в жизни Н.М. Каринского период, связанный с его педагогической, научной, организаторской деятельностью в Вятке и условно его можно назвать «вятским».

Этот, хотя и непродолжительный, но довольно насыщенный по своим итогам временной отрезок датируется по-разному. А.Л. Рашковский, ссылаясь на сведения Г.Ф. Чудовой, указывает на 1918–1924 гг. как время вятского краеведения, когда в его развитие внес «большой вклад» Н.М. Каринский [30]. Называют осень 1919 г. как время приезда и начала работы Н.М. Каринского в Вятском педагогическом институте [31; 32]. Пишут о том, что в 1919 г. уже сложившимся и известным ученым Николай Михайлович переехал из голодающего Петрограда вместе со своей семьей и семьей Лупповых (сестры. – *В.М.*) в Вятку. Так Л.В. Краснова, ссылаясь на архивный документ [33], утверждает, что Н.М. Каринский «в Вятку [...] прибыл из Петрограда в декабре 1919 г. по приглашению Вятского института народного образования на должность

⁴Каринская (Зотикова) Маргарита Викторовна (1849–1917) – дочь московского чиновника, жена М.И. Каринского с 17 августа 1869 г.

⁵Комиссия была открыта 28 ноября 1904 г. в Вятке в зале Губернского правления, где присутствовали губернское начальство, духовенство, представители разных учреждений, преподаватели учебных заведений Вятки. Председателем комиссии был избран Н.А. Спасский, бывший смотритель Вятского духовного училища, в 1906 г. – ученый А.С. Верещагин. С 1907 г. председателями стали выбирать вятских губернаторов. Основное ядро комиссии составили ее инициаторы, известные вятские краеведы: И.М. Осокин, Д.К. Зеленин, П.Н. Луппов, М.Г. Худяков.

⁶С 1905 г. комиссия стала издавать «Труды». В 1917 г. вышли Вып. 1–2. Отд. 1.; Вып. 1–2. Отд. 3; Вып. 3–4. Отд. 1.

заведующего кафедрой языкознания» [34]⁷. На это же время указывает и современник тех событий Н. Желваков [35. С. 2], поэтому не доверять этим сведениям нет оснований. Есть исследователи, которые без указания конкретной даты также пишут, что в 1919 г., спасая свою семью от страшного голода, Н.М. Каринский переезжает из Петрограда («вернулся на родину», «жил в Вятке») в Вятку [36].

С этим переездом связан известный факт из общественной деятельности А.М. Горького, по инициативе которого была создана специальная комиссия по улучшению быта ученых (КУБУЧ). Комиссия выделила специальный паек профессору Н.М. Каринскому в Петрограде, которого он лишился после переезда в Вятку. Писатель 30 сентября 1920 г. обращается в Вятский губисполком с письмом, где написал: «Профессор Н.М. Каринский в бытность его в Петербургском университете получал учёный паёк, которого лишился вследствие командировки в город Вятку, а потому комиссия по улучшению быта ученых просит Вятский губисполком выдавать профессору Н.М. Каринскому достаточный паек, обеспечивающий его существование и нормальную научную и педагогическую работу» [37]. По всей видимости, это обращение всемирно известного писателя не могло быть проигнорировано.

Письмо, датированное 11 июня 1918 г., позволяет установить время отъезда Н.М. Каринского в Вятку и вносит определенную ясность в этот вопрос: «Спешу Вас уведомить, что завтра, к сожалению, мне не придется быть на заседании Совета Археологического института, т.к. я должен выехать в Вятку, если только завтра утром получу билет, который мне обязаны выдать. Мне очень хотелось зайти к Вам перед отъездом, но не пришлось этого исполнить, т.к. всю [...] прошлую неделю и до сего времени стараюсь выручить библиотеку отца. Сегодня мне разрешено взять книги. Придется до вечера⁸ работать с перевозкой и даже, по-видимому, не попаду на заседание в память И.А. Шляпкина, что очень грустно». Здесь же сообщается и адрес, куда следует направлять корреспонденцию: «Вятка. Дом Кафедрального собора. Братевая школа» [25. Л. 38–38об.].

Еще весной 1917 г. «семья моя поехала вместе с семьею сестры (14 чело[век] детей и старый отец) в Вятскую губ[ернию]» [10. С. 20–21], – писал Н.М. Каринский 28 апреля своему учителю А.И. Соболевскому. Семья продолжала жить там и в 1918 г. По этому поводу Н.М. Каринский писал С.Ф. Платонову: «Мы остались на лето в городе Вятке частично вследствие чрезвычайной трудности выезда из города с семейством, частично из опасения оставить городскую квартиру пустою, частично, наконец, из-за неопределенных настроений в деревнях под Вяткой».

Далее в письме сообщается о проблемах, с которыми столкнулись Каринские, прежде всего продовольственная: «Здесь тоже стало не хватать хлеба, появились большие хвосты, что удручает, т.к. мы остались без прислуги, а найти новую в Вятке пока не удастся и становится очень тяжело с маленькими детьми при существующих условиях жизни». Научная общественность, стоявшая близко к Н.М. Каринскому, интересовалась состоянием Археологического института, положением Археографической комиссии и их отношением «к местным архивам» [25. Л. 39–39об.].

⁷ Эта же дата указывается на некоторых сайтах, посвященных ученому (wiki-org.ru/wiki/Каринский, ... копия).

⁸ Подчеркнуто в письме.

В это время с ним встречалась Е.В. Гогель, которая писала С.Ф. Платонову 20 июня 1918 г. (вскоре после его приезда): «От Ник. Мих. Каринского слышала о новых начинаниях в Археолог[ическом]инст[итуте], о Ваших архивных проектах». А 27 августа этого же года она сообщает, что «сегодня должен уехать в П[е]тр[оград] Н.М. Каринский, с ним мы (Е.В. Гогель и А.В. Паллизен. — В.М.) отправляем наши прошения об увольнении (из библиотеки бывшего ЖПИ. — В.М.), т[ак] к[ак] ныне нет никакой возможности ехать теперь туда» [39. С. 32, 34]. Следовательно, Н.М. Каринский уезжал без семьи. В архиве ученого хранятся лекции на тему «Язык русской поэзии XIX века», читанные на 4-м курсе ЖПИ в 1918–1919 учебном году [40]. Н.М. Каринский в упадническом настроении сообщал 11 декабря 1918 г. А.И. Соболевскому: «Семья живет в Вятке, а я в Петрограде, приезжая на лето, на Рождество и на Пасху». Были и не планируемые поездки. Например, в конце марта 1919 г., «получив телеграмму из Вятки о болезни детей и отсутствии средств у семьи», он «спешно» уехал к ней [10. С. 68–69, 71]. Прожив в Вятке до апреля 1919 г., Н.М. Каринский приходит к решению, что там «оставаться семье представляется невозможным вследствие эвакуации». Он мечтает вернуться в Петроград, куда «попасть можно лишь с разрешения местных Петроградских властей». Для решения проблемы он обращается к С.Ф. Платонову, надеясь на его «доброту» и «благосклонное отношение». Решиться на переезд с большой семьей, в которой кроме самого Н.М. Каринского было еще восемь человек: «1) жена Варвара Афанасьевна⁹ 40 л., 2) теща Феокиста Дмитриевна 68 л., сыновья — 3) Николай — 17 л., 4) Всеволод — 15 л., 5) Юрий — 6 л. и 6) Александр — 4 года и дочери — 7) Елена 18 л., и 8) Евгения — 9 лет» [25. Л. 41–42], в город, где не было «даже комнаты», было не логично. Эта тема остается главной в ряде корреспонденций, посланных друг за другом: в телеграмме, двух письмах, где сообщается о намерении уехать из Вятки, но «между тем выезд с семьей чрезвычайно труден и тягостен». Нужно было упомянутое разрешение, которого, кроме самого Н.М. Каринского, из членов семьи никто не имел. С.Ф. Платонов как директор Археологического института в апреле же посылает в Вятский Совдеп официальное письмо, в котором говорится о намерении профессора Н.М. Каринского «вернуться к месту своей службы с семьей».

Н.М. Каринский уезжал снова один, без семьи, так как в период гражданской войны с больными детьми и престарелой тещей отправляться в дорогу было рискованно. А в декабре (как указывает А.М. Горький и вслед за ним Л.В. Краснова) профессор был откомандирован из университета в Вятку. На это указывает и письмо от 12 февраля 1920 г., в котором сообщается, что «условия жизни в Вятке оказались на первых порах довольно тяжелыми, так как в 2-х комнатах, которые предоставили моей семье, температура доходила до — 5». Такие бытовые условия привели к сильному «отеку рук и ног», что и стало причиной для переноса поездки в Петроград. При этом выражалась надежда на эту поездку: «при первой возможности¹⁰ приеду» [25. Л. 45]. Вот с этого времени (с декабря 1919 г.) он остается в Вятке до 1923 г., до этого бывая там наездами.

А в письме от 17 августа 1920 г. Н.М. Каринский писал, что подтвердилось предположение С.Ф. Платонова, что ему «придется на год остаться в Вятке». Такая ситуация сложилась ввиду вынужденных обстоятельств: «с семьей переехать в Петроград невозможно, а жить без семьи слишком тяжело». Лекции,

⁹ А.И. Соболевский писал, что она «особа рассудительная» [10. С. 240].

¹⁰ Подчеркнуто в письме.

которые намечались в университете и Археологическом институте, «не придется читать» [25. Л. 46] — с чувством неудовлетворенности писал Н.М. Каринский. В это же время в Вятку приезжал А.И. Андреев, который немало рассказал и о Платоновых, и о событиях в Петрограде, что было особенно нужно для Н.М. Каринского. В связи с этим в августе 1921 г. он писал, что «чрезвычайно скучает по Петрограду, по библиотекам, рукописям и особенно по ученому сообществу». Срок откомандировки оканчивался в сентябре и снова со всей остротой стоял вопрос о переезде. Об этом он 22 октября 1921 г. писал и А.И. Соболевскому, что если «останется здесь дольше», то «должен пропасть для науки и преподавания» [10. С. 41].

Но отсутствие квартиры, мебели, посуды, средств на переезд ставило семью Н.М. Каринского в безвыходное положение. Вновь просьба к С.Ф. Платонову навести справки: «возможно ли найти квартиру и, хотя бы немного мебели? Каким путем устроиться с пайками на семью? Как дело с дровами?». А «в Вятке жизнь тяжелая, — читаем в одном из писем. — Скончалась у нас жившая бабушка, мать жены, исключительно от тяжелых условий, которые ей, как старому человеку, были особенно тяжелы. Все мы хвораем и слабеем от истощения, хотя мучений голода обычно еще не ощущаем и, вероятно, ощущать не будем». Встреча с желанным Петроградом произошла через статью А.А. Спицына, которую покупал музей, а Н.М. Каринский своим отзывом на нее «споспешествовал наиболее высокому увеличению платы за статью» [25. Л. 48–48об.]. Это было последнее письмо из Вятки, адресованное С.Ф. Платонову. В письмах вятского периода красной нитью проводится мысль, что город ученого не устраивает, пребывание в провинции его тяготит, он стремится вернуться в Петроград. Заметим, что о своей научной, преподавательской деятельности Н.М. Каринский почти не пишет. Работа, вероятно, приносила мало удовлетворения, была не настолько интересна, чтобы о ней сообщать авторитетному ученому. М.А. Робинсон по этому поводу заметил, что у профессора не было «возможности реализовать в провинции научные амбиции» [10. С. 41].

Следовательно, содержание писем Н.М. Каринского, адресованных С.Ф. Платонову, А.И. Соболевскому и указание Е.В. Гогель ставят под сомнение отдельные мнения о времени переезда Каринских в Вятку. Следует разделить приезд семьи, он состоялся в 1918 г., и время пребывания там Н.М. Каринского.

Вятский период целесообразно начинать с лета 1918 г. Вскоре по прибытии Н.М. Каринский продолжил в окрестностях Вятки свою работу по сбору информации по местным говорам [41]. Была разработана анкета, которую следует рассматривать как следствие интереса ученого к «своеобразию местных говоров, сохранивших многие архаические черты русского языка» [41]. Собранный материал нашел свое отражение в ряде исследований: «Экскурс в область вятской народной песни», «Собирание научных материалов, характеризующих этнографический перелом в Вятском крае во второй половине XIX и начале XX века», «Язык образованной части населения г. Вятки и народные говоры». Порой в экспедиции Н.М. Каринский отправлялся со студентами [42].

В 1922 г. опубликованы еще несколько работ и «Программа для собирания русских народных говоров Вятского края в связи с собиранием других местных этнографических особенностей» [43. С. 32–49]. По сведениям Л.Н. Макаровой, «диалектологические работы основаны на личных наблюдениях Н.М. Каринского во время многочисленных экспедиций в Нолинский, Уржумский, Малмыжский, Халтуринский уезды» [32].

Н.М. Каринский плодотворно трудился и в «скромной» должности архивариуса вместе с И.М. Осокиным, А.А. Григорьевым, Н.Г. Гусевым [44. С. 70]. Он с Н.П. Оттокаром был привлечен и к «изучению библиотечных фондов, выявление и описание ценных и редких изданий, среди которых было много на иностранных языках» [45. С. 14], о чем писала В.Н. Колупаева. Она же отмечала, что «находившийся после революции в Вятке Н.М. Каринский «участвовал в работе библиотеки» [46. С. 27].

Важным шагом в развитии краеведения в Вятке стало создание Вятского исторического общества, в котором активное участие принимал и Н.М. Каринский, к тому же избранный его председателем. 4 апреля 1920 г. прошло первое заседание исторического общества с участием Н.М. Каринского, М.Н. Решетникова, П.Н. Луппова, Е.В. Гогель и Л.Н. Спасской. Работе общества препятствовало тяжелое материальное положение интеллигенции. А.В. Сергеев указывает, что «члены общества и сотрудники научных учреждений голодают» [47. С. 10. Примеч. 56]. В письмах Н.М. Каринский также указывает на трудности с продовольствием. О тяжелом материальном положении семьи свидетельствует следующий факт: в 1920 г. 23 июня и 15 июля Вятский институт народного образования обратился с ходатайством в горсовет Вятки «о предоставлении профессору Н.М. Каринскому помещения и обуви» [40. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–3].

Яркой страницей вятского периода в организаторской, научно-исследовательской и популяризаторской деятельности Н.М. Каринского следует считать работу по организации местного научно-исследовательского института краеведения, начавшего работу в 1922 г., и создание его печатного органа [48].

В Вятке формируются историко-этнографические документальные комплексы, это направление научной деятельности А.Е. Загребин и А.А. Иванова связывают с учредителем и первым директором института Н.М. Каринским [49].

Следует заметить, что, находясь в родном городе, Н.М. Каринский в декабре 1921 г. был избран членом-корреспондентом АН по Отделению русского языка и словесности.

С.Ф. Платонов содействовал оформлению его откомандирования из университета в Вятку, чтобы сохранить место профессора и надеясь на его возвращение. Заметим, что в это тяжелое время и сам будущий академик искал разные пути поддерживать нормальное питание своей семьи. Например, он состоял в штате Пермского отделения Петроградского университета [50], выезжал для чтения лекций в Вологду, где в качестве гонорара ему предложили продуктовый паек [51. С. 50]. Поэтому на большее, чем он мог пойти, не было возможности.

В 1923 г. вятский период закончился. Ученый после нескольких настоячивых, но неудачных попыток вернуться в Петроград, переезжает в Москву и начинает работу в ряде научных учреждений: в Историческом музее, 2-м Московском государственном педагогическом институте им. А.С. Бубнова, в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР.

Связь ученого с Вятским краем не прерывалась и после его отъезда в Москву. По сведениям Л.В. Красновой, «с января 1924 г. Н.М. Каринский совмещал должность директора ВятНИИ краеведения с должностью ученого специалиста в Российском историческом музее» [34. С. 61]. В 1927 и 1930 гг. он приезжал в Вятку для чтения лекций.

Бывал он и в желанном, но переставшим быть родным Петрограде (Ленинграде). Так из писем (16 января и 14 ноября 1924 г.) М.Н. Сперанского В.М. Истрину известно, что Н.М. Каринский дважды в этом году был там [10. С. 161, 264].

Таким образом, корреспонденция вятского периода на имя С.Ф. Платонова важна для установления времени вынужденной задержки или переезда семьи Н.М. Каринского в Вятку. В письмах зафиксированы факты из жизни города революционной поры и времени Гражданской войны. Кроме того, они позволяют назвать и причину переезда Каринских в 1923 г. не в Петроград, а в Москву, содержат немало информации о бытовых проблемах, которые преследовали их. В целом вятский период Н.М. Каринского отличался деятельностью в разных направлениях: организация института краеведения, преподавательская и библиотечная деятельность, диалектологические экспедиции, здесь был написан и опубликован ряд исследований, но особого удовлетворения от работы не было.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и СССР). М., 1963.
2. Луппова Е.П., Филин Ф.П. Николай Михайлович Каринский: (К столетию со дня рождения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т. 32. Вып. 2.
3. Каринский Николай Михайлович // Сотрудники Российской Национальной библиотеки. Деятели науки и культуры: биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1.
4. Каринский Николай Михайлович // БСЭ. М., 1973. Т. 11.
5. Каринский Николай Михайлович // СЭС. М., 1987.
6. Каринский Николай Михайлович: [крат. биогр. справ.] // Современный иллюстрированный словарь Вятского края. Киров, 2005.
7. Макарова Л. «Я люблю Вятку...» [О Н.М. Каринском] // По ленинскому пути. Газета Кировского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. 1988. 31 мая.
8. Шиляева Р. Помощник архивариуса. [О Н.М. Каринском] // Кировская правда. 1989. 27 сентября.
9. Долгушев В.Г. Н.М. Каринский: годы жизни и деятельности в Вятке // Кировская правда. 1998. 4 апр. (№ 64).
10. Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.
11. А.И. Соболевский и русское историческое языкознание (к 150-летию со дня рождения ученого): Тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 8–11 июня 2007 г.). М., 2007.
12. Алтатов В.М. Филологи и революция // Новое литературное обозрение. 2002. № 53.
13. Аншин Ф.Д., Алтатов В.М. Материалы к биографии А.М. Селищева // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественное языкознание. 1994. № 4.
14. Розов Н.Н. Остромирово Евангелие в Публичной Библиотеке: (150 лет хранения и изучения) // Труды Государственной Публичной библиотеки. Л., 1958. Т. 5 (8).
15. Заметки об одном из говоров Костромской губ. студента Петербургского унив. Н. Каринского // Живая старина. 1895. Вып. III–IV.
16. Каринский Н.М. Остромирово Евангелие как памятник древнерусского языка // ЖМНП. 1905. № 5.
17. Каринский Н.М. Письмо Остромирова евангелия (палеографический очерк) // Сборник Российской Публичной библиотеки. Пг., 1920. Т. I. Вып. 1.
18. Винокур Г.О. К вопросу о языке «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: комплексные исследования / Отв. ред. А.Н. Робинсон. М., 1988.
19. Каринский Н.М. Очерки из истории псковской письменности и языка. I. Исследование Псковского Шестоднева 1374 г. с тремя автотипическими снимками. Пг., 1916.
20. Каринский Н.М. Очерки из истории псковской письменности и языка. II. Мусин-Пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» как памятник псковской письменности XV–XVI вв. Пг., 1917.

21. Остромирово Евангелие 1056–57 года: С прил. греч. текста евангелий и с грамMAT. объясн., изд. А. Востоковым / [Предисл.: А. Востоков]. СПб., 1843.
22. Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.): Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. СПб., 1863.
23. Шахматов А.А., Щепкин В.Н. Особенности языка Остромирова евангелия // Прибавл к кн.: Лескин А. Грамматика старославянского языка. М., 1890.
24. Российский Государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 437. Д. 1231.
25. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3087.
26. Митрофанов В.В. Просветительская деятельность С.Ф. Платонова в российской провинции. Нижневартовск, 2014.
27. Академик С.Ф. Платонова: Переписка с историками в 2 т. М., 2003. Т. 1.
28. Груздева Е.Н. Академическое интермеццо. СПб., 2009.
29. Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев / Под ред. В.А. Бажанова. М., 2012.
30. Рашковский А.Л. Краткий обзор истории краеведения в Вятском крае // herzenlib.ru/kraeved/index.php?... копия
31. Пленков В. Профессор Каринский в Вятке // Кировская правда. 1973. 28 марта. № 73.
32. Макарова Л.Н. Н.М. Каринский – первый профессор, доктор филологических наук, член-корр. АН СССР // Выдающиеся ученые и педагоги Вятского педагогического института (рукопись).museum.vyatsu.ru/personal/... копия
33. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 4. Д. 101. Л. 5.
34. Краснова Л.В. Становление регионального научного книгоиздания (к 100-летию ВятГГУ) // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 5.
35. Желваков Н. 25-летие ученой деятельности профессора Н.М. Каринского // Вятская правда. 1920. 25 декабря. № 201.
36. people-archive.ru/character/...; kirovmemorials.ru/zdanie-...
37. kprf43.ru/node/4833 копия
38. Митрофанов В.В. «...и тем более ценны для меня Ваше дружеское содействие и помощь...»: роль С.Ф. Платонова в формировании Е.В. Гогель, как организатора библиотечного дела (вступ. ст. подгот. коммент.) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2016. Вып. 30.
39. Митрофанов В.В. «... прибегать к Вам в трудных случаях библиотечной жизни»: Письма Е.В. Гогель С.Ф. Платонову (вступ. ст. подгот. коммент.) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2016. Вып. 29.
40. Архив РАН. Ф. 468. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–38; Оп. 2. Д. 6. Л. 1–3.
41. Долгушева В.Г. Изучение Н.М. Каринским говоров Вятского края // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров, 1986.
42. Луппов П.Н. Разыскать ценные материалы (Истории сбора вятского фольклора в 1920-х гг. проф. Н.М. Каринским и студентами Вятского педагогического ин-та) // Кировская правда. 1937. 10 апреля.
43. Известия Вятского научно-исследовательского института краеведения. Вологда, 1922. № 1.
44. Шляева Р.С. Несколько слов о вятских архивистах первых советских лет (1918–1924 гг.) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2000. Вып. 1.
45. Колупаева В.Н. К истории Герценки: (1917–1922 гг.) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2000. Вып. 3.
46. Колупаева В.Н. «Все с книгами и о книгах». Е.В. Гогель (1864–1955) и Вятская губернская публичная библиотека им. А.И. Герцена // Герценка: Вятские записки. Киров, 2003. Вып. 5.
47. Сергеев А.В. Менталитет российского провинциального общества на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Вятской губернии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2007.
48. Заметки о методах этнографических наблюдений // Известия Вятского научно-исследовательского института краеведения. Вологда, 1922. № 1.
49. Загрбин А.Е., Иванова А.А. Анкеты 1920-х гг.: из документального наследия Вятского института краеведения//Отечественные архивы. 2008. № 4.
50. Митрофанов В.В. О не состоявшихся лекциях С.Ф. Платонова в Пермском университете // Вестник Пермского государственного университета. 2017. № 2 (37).
51. Митрофанов В.В. «Вологжане очень помнят Вас»: Письма Л.И. Андреевского и В.Д. Андреевской-Прозоровской С.Ф. Платонову (вступ. ст., публикация) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2. № 4 (52).